

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Июнь 2022 г.

<https://beroc.org/>
beroc@beroc.by

Резюме

- **ПРОШЛОГОДНЕЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЕ ЧУДО СМЯГЧИЛО УДАР ОТ САНКЦИЙ, НО ВПЕРЕДИ – НЕИЗВЕСТНОСТЬ**

На первый взгляд, несмотря на масштабные санкции, картина по внешнеторговому сальдо выглядит неплохо. В то же время соотношение физобъемов экспорта и импорта стало резко ухудшаться, в первую очередь за счет сжатия первого из них, которые по сравнению с пиковыми значениями упали почти на 40%. Главный вопрос сейчас - насколько эта ситуация устойчива и чего ожидать в будущем. Предопределять развитие ситуации будет множество факторов, часть из которых не зависит от Минска.

- **РЕЛОКАЦИЯ БИЗНЕСА УСИЛИВАЕТ НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭКОНОМИКЕ**

Среди уехавшего из Беларуси бизнеса больше всего IT-компаний и представителей малого бизнеса. К такому шагу их привела активная жизненная позиция во время событий 2020 года. Крупный производственный бизнес не спешит переезжать. Вместо этого он активно готовится бороться с предстоящими трудностями в стране. Отъезд бизнесменов увеличивает амплитуду отрицательных тенденций в экономике. Но при определенных обстоятельствах есть перспективы возврата в страну более половины релоцировавшихся активных людей.

- **ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ВКЛЮЧАЯ ЭКСПОРТ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ, НЕ САМЫЕ РАДУЖНЫЕ**

Санкции против России ведут к ограничениям собственного производства. Уже сейчас заметно масштабное сжатие промышленного импорта. Релокация специалистов и бизнеса ударит по бюджету. Россия продает на 20% меньше нефти и на 15% газа по ценам на 25-30% ниже цены Brent. Европа намерена отказываться от российских энергоносителей, но в ближайшее время диспозиция сторон вряд ли сильно изменится. Несмотря на трудности, Москва продолжит поддерживать белорусскую экономику, но только на минимальном уровне, чтобы белорусам было что есть.

Бюллетень Экспертный Взгляд (в рамках проекта Мониторинг экономики Беларуси: тенденции, настроения, ожидания) представляет субъективный экспертный анализ ключевых краткосрочных тенденций белорусской экономики. В каждом выпуске бюллетеня выбираются три наиболее важные тенденции на основе опроса трех экспертов: сотрудников BEROC и внешних экспертов. В резюме фиксируются эти тенденции, а также ожидания трех опрошенных экспертов в отношении будущей экономической динамики. В основной части бюллетеня каждый из экспертов представляет свое виденье по одному из проблемных вопросов, свои ожидания и сценарии развития ситуации.

Ни BEROC, ни лица, его представляющие, не могут быть ответственными за использование информации, содержащейся в данном бюллетене. BEROC не несет ответственности за потери и/или убытки любого рода, связанные с использованием информации, представленной в бюллетене.

Внешняя торговля взяла трек на ухудшение

Дмитрий Крук, старший научный сотрудник BEROС (Киев)

Физобъемы экспорта просели почти на 40%

За период внешнеторгового чуда ситуация с соотношением физических объемов экспорта и импорта существенно улучшилась. На начало 2022 года, несмотря на первый раунд санкций, принятых в прошлом году, оно было одним из лучших за последние 8-10 лет. Этому способствовало достижение экспорта в физическом объеме абсолютного исторического максимума, благодаря повышенному спросу в мире на фоне сбоев в логистических цепочках. В то же время в последние два года — с начала периода ковида — поддерживалась пониженная по сравнению со средними статистическими значениями импортоемкость производства, соответственно ограничивался импорт. Вдобавок со второй половины прошлого года существенно улучшились условия для внешней торговли за счет лучшего соотношения экспортных и импортных цен за последние пять лет. Этот фактор никак не зависит от Беларуси. Но отчасти Минск может в манипулируемом режиме способствовать улучшению этих условий торговли за счет маневрирования географической направленностью экспорта и импорта. Эта тенденция до сих пор актуальна, другой вопрос — насколько этим инструментом дальше можно будет пользоваться.

Если посмотреть на ситуацию последних 2-3 месяцев, мы увидим, что соотношение физобъемов экспорта и импорта стало ухудшаться, в первую очередь за счет сжатия первого из них. В марте физобъем экспорта по сравнению со своими пиковыми значениями второй половины 2021 года просел почти на 40%. Это гигантская величина. Но общую картину сглаживает также масштабное проседание физобъемов импорта и по-прежнему хорошая ценовая конъюнктура.

Получается, что запас прочности и старт с исходно хорошей позиции позволили сделать не столь болезненным влияние случившегося в последние месяцы масштабного шока.

Активнее проседает экспорт нефтепродуктов и калийных удобрений

Падение физобъемов экспорта произошло в первую очередь за счет промежуточных товаров - нефтепродуктов и калийных удобрений. Активно проседает также экспорт непродовольственных потребительских товаров, например, легковых автомобилей, мебели, приборов и аппаратуры. Он не столько важен в общем объеме, сколько в технологическом плане.

Что касается инвестиционных товаров - продукции машиностроения, автомобилей, сельхозтехники, продовольствия, - то их пока можно назвать «оплотами стабильности», так как существенного проседания не произошло.

Картина по видам экспорта коррелирует с географией. В Россию, куда мы поставляем в основном инвесттовары и продовольствие, в физобъемах экспорт практически не пострадал, а в страны ЕС, куда в основном идут промежуточные товары, он просел. Но наиболее существенное проседание касается Украины, которая примерно полгода до этого была Меккой для нефтепродуктов и промышленных товаров.

В географическом и продуктовом разрезе заметно снижение импорта прежде всего за счет сырья, а также любимого демпфера властей - потребительских непродовольственных товаров.

Картина выглядит неплохой, но вряд ли стоит надеяться, что она сохранится

Несмотря на санкции и масштабнейшее проседание экспорта, в марте-апреле сложилась удивительно привлекательная картина по внешнеторговому сальдо, а курс белорусского рубля, вопреки ожиданиям, укреплялся. Но это транзитивный эффект. Нет оснований рассчитывать на то, что такое состояние во внешней торговле будет устойчивым.

Берусь предположить, что четкого понимания, как дальше будет развиваться ситуация во внешней торговле, сегодня нет ни у кого. А у властей вряд ли есть четкий план, как реагировать в случае ухудшения сальдо внешней торговли. Есть ощущение, что у них сохраняется надежда на продолжение транзитивного эффекта во внешней торговле, и что она не будет источником головной боли.

Что будет определять состояние внешней торговли

Первый фактор, который будет влиять на общую картину по внешней торговле, — это насколько глубоко просядет экспорт. С учетом того, что по многим товарным позициям санкции пока только лишь начали действовать (в полную силу они вступят с 4 июня), скатываться еще есть куда.

Второй фактор — насколько будет возможным административными способами «перенаправить потоки экспорта», особенно в реалиях серьезных транспортно-логистических и платежных барьеров. Многие товары действительно можно потенциально перенаправить на азиатские и африканские рынки, тем более если установить цену ниже высоких рыночных. Но в условиях указанных выше ограничений эта задача лежит не только в экономической плоскости. Это уравнение с множеством неизвестных.

Третий фактор от Беларуси не сильно зависит. Это вопрос, как будет развиваться ситуация с транспортно-логистическими и платежными барьерами. Пока из того, что видно по опросам бизнеса, многие фирмы нашли обходные пути и выстроили новые схемы. Большинство из них признаются, что эти пути более дорогие и затратные по времени, но по крайней мере они позволяют сохранить бизнес-модели фирм, работающих с внешними рынками. Но, как отмечают представители бизнеса, нет уверенности в том, что не произойдет очередного обострения в любой из

этих трех составляющих. Это значит, что ситуация может двигаться как в сторону дальнейшего похолодания, так и перейти в состояние оттепели. Эта гигантская неизвестность — одна из самых важных на текущий момент составляющих, не позволяющих сейчас ответить на вопрос, что будет с экспортом.

Четвертый важный фактор — экспорт в Россию. Его проседания в физобъемах практически нет. Можно ожидать, что в сегменте продовольственных товаров эта картина сохранится. А вот что будет с инвестиционным экспортом, основным рынком сбыта которого в основном является Россия, — это еще один большой вопрос. С одной стороны, с уходом многих компаний с российского рынка освобождается рыночная доля, на которую может претендовать Беларусь, наращивая свой кусок пирога. С другой стороны, сам пирог будет сдуваться из-за сжатия российской экономики. Для белорусского экспорта будет важным, какая из этих двух тенденций перевесит.

Есть некоторая неопределенность и с импортом. Пока сжатие происходило отчасти естественным образом, но значимая его часть была с большим административным привкусом. Судя по заявлениям, в том числе про импортозамещение, скорее всего, в Минске намерены проводить ограничительную политику в отношении импорта. При узколобом бухгалтерском подходе с точки зрения арифметики ВВП импорт действительно можно рассматривать как некое «зло». На коротких промежутках его сжатие вроде как позволяет предотвратить спад ВВП, но на импорте завязаны многие производственные процессы и отраслевые взаимосвязи. Значит это будет губительным для перспектив выпуска. Это путь к более глубокому падению ВВП. Кроме того, вполне вероятна ситуация отмежевания от внешнего мира. Соответственно, от того, будут ли власти пытаться убрать преграды для импорта и способствовать устранению транспортных и логистических барьеров или, наоборот, будут стимулировать их, тоже в некоторой степени зависит ситуация с внешней торговлей.

Все эти факторы указывают на отсутствие предопределенного трека развития, так как непонятно, что будет с экспортом и импортом, за каждым из которых стоит много неизвестных. С большой долей вероятности их объемы утратят устойчивость: могут происходить скачки в обе стороны. Но больше шансов, что трек будет на ухудшение, так как рисков для экспорта гораздо больше и они все имеют понижательный эффект. Эта ситуация отразится и на валютном курсе.

Если надежда властей на сохранение временной устойчивости не оправдается, то они столкнутся с дилеммой. В этом случае возможны два сценария. Первый — принять новую реальность, признать ухудшение внешней позиции и попытаться его сгладить. Главным доступным для этого инструментом будет обменный курс. Речь идет о его обесценении, причем с большой вероятностью с опережающим тем-

пом относительно российского рубля. Главный недостаток этого подхода в том, что это будет способствовать новым виткам финансового стресса и практически наверняка приведет к полноценному финансовому кризису. Но некоторое время этот путь может замедлить и сгладить спад ВВП.

Второй сценарий — продолжать бороться с импортом, то есть стабилизировать внешнюю позицию, регулируя его, исходя из проседания экспорта. Это путь к резко возрастающей директивности и ускорению спада выпуска, отмежеванию от развитого мира и, я бы даже сказал, технологическому регрессу. Плюс это ограничение потребительского разнообразия, снижение качества доступных на рынке товаров при непропорционально высоких ценах.

Из Беларуси чаще уезжает небольшой бизнес, но и это усиливает негативные тенденции в экономике

Александр Кнырович, бизнесмен, автор Youtube-канала «КНЫРОВИЧ»

Из Беларуси активной переезжает малый бизнес и IT-компании

Говоря о релокации белорусского бизнеса, необходимо разделять реальный бизнес и IT-компании. Можно условно говорить о переезде примерно 20-25% сотрудников этой сферы. При этом число переехавшего бизнеса с трудом поддается измерению, потому что IT-компании не привязаны напрямую к зарегистрированному юрициду. Их нематериальная структура позволяет открыть промежуточные компании в любой юрисдикции, работать в Беларуси только на аутсорсинге и находить много других законных механизмов, которые осложняют оценку их действий. Я вижу активно открывающиеся белорусские IT-компании в Польше. При этом они либо закрывают юрицид в Беларуси, либо делают это очень долго. В связи с этим происходит, скорее, переток активности, чем закрытие юрицида в Беларуси и открытие его за границей. Но этот процесс идет и он очень заметный.

С чем это связано? Айтишники — это первые люди, которые реагируют на изменяющуюся атмосферу в стране. Это высокооплачиваемые специалисты, образованные, вовлеченные в мировой контекст, а не живущие белорусскими «Славянским базаром» и «Дажынкамі». Если до 2020 года и тем более 2022-го страна для них была вполне комфортной при всей авторитарности режима, то сейчас основная проблема — это угроза будущему их детей. Очевидно, они переезжают, так как им уехать относительно легко.

Если говорить об оценках в других сферах, то они, скорее, не репрезентативные, а опирающиеся на общение с коллегами, оставшимися в Беларуси, и наблюдение картины, которую я вижу в Польше, Литве и Украине. Так, на мероприятия ассоциации белорусского бизнеса АВВА собираются около 400 представителей переехавших компаний. А когда мы проводим маленькое камерное мероприятие с анонсом в виде буквально двух постов в соцсетях, на него приходит 130 заявок. Исходя из этого, можно говорить, что большое количество малого и среднего бизнеса, в связи с событиями в Беларуси, было вынуждено уехать. Часто это компании, в которых работает 5-10 человек, или ИП.

У нас есть цифры по профилю бизнеса среди этих заявок. Активнее всего представлены поддерживающие сервисы (от экспедиции до маркетинга), следом идут торговые компании, потом в равных долях IT и малый бизнес в сфере услуг и меньше других — производственные компании.

Это говорит о том, что чаще переезжает малый бизнес, который занимает активную позицию, в том числе в событиях 2020 года. Ему достаточно легко со-

браться и уехать. Как указано выше, плавно перетекает за границу «айтишка». А вот крупные компании остаются. Это связано в первую очередь с тем, что у них другая стоимость переезда, другие задачи. Этот бизнес не мыслит категориями «теперь мы перенесем завод в Польшу». Перевезти такого рода бизнес очень трудно. Во-первых, на больших рынках такие компании строятся не за один или два дня. Во-вторых, за границей у них было бы большое количество уже сложившихся прямых конкурентов.

То есть крупный бизнес, особенно производственный, пока не проявляет прямого желания уехать. Пока занят попытками справляться с текущими трудностями и готовится бороться с тем, что будет происходить в стране. Видно, что он находится в страхе и полон сомнений относительно будущего на горизонте нескольких месяцев. Но говорить о настроении на быструю релокацию можно будет только в случае усугубления проблем с белорусским рынком или в том случае, если экономика начнет схлопываться обвальными темпами.

Многие представители этого сегмента бизнеса давно имеют компании в других юрисдикциях. У одних это головная компания холдинга, у других просто инвестиционная компания. Для некоторых это хороший кошелек или способ легализации для получения документов в другой стране. Это не новая тенденция, которая бы выстроилась после начала войны.

Портрет уехавшего бизнесмена (если оставить в стороне айтишников) — это люди активного предпринимательского возраста, то есть от 30 до 50 лет, примерно 30/70 женщин и мужчин. Можно ли выделить другие черты? Кроме того, что к этой точке их привела активная жизненная позиция, других общих черт я не вижу.

Бизнес, который релоцировался дважды, видит перспективы в процессе восстановления Украины

Главной страной, куда переезжали бизнесмены, была Украина, так как ментально, по языку и условиям она наиболее близка белорусам. Второй по популярности можно назвать Польшу. Я не встречал конкретных случаев реального бизнеса, который переехал в Литву. Про Грузию говорят как про комфортную страну, с учетом их законодательства и налогового обложения. Но не более.

Некоторый бизнес вынужден был переезжать два раза: сначала из Беларуси в Украину, а потом оттуда в Польшу. Эти предприниматели намерены вернуться в Украину. Общим для них является понимание, что восстановление этой страны будет большим проектом, в том числе для белорусских предпринимателей.

Последствия релокации бизнеса для экономики

С учетом общего падения экономики в этом году сложно выделить долю этого вектора, которая связана с релокацией бизнеса. Есть общие последствия

давления властей на бизнес. В Беларуси они проявляются в том, что количество ИП на душу населения в четыре раза меньше, чем в Польше. То есть из-за отношения и бизнес-климата предпринимательская активность у нас в разы ниже. Вклад малого и среднего бизнеса в ВВП составляет 26% против 67% в США или 52% в Евросоюзе. Это наш неиспользованный потенциал. Только за счет более высокой предпринимательской активности мы могли бы быть в совершенно другой точке развития экономики и доходов населения.

Я бы не сказал, что отъезд предпринимателей определяет направленность, скорее, он поддерживает отрицательные тенденции, увеличивая их амплитуду.

Есть еще один важный момент. Большое предприятие — как большой корабль. Если он плывет и видит перед собой айсберг, то, понимая, что корабль уже не развернется, на воду спускаются шлюпки. Так вот, малый бизнес в экономике всегда выполняет роль тех самых шлюпок, которые достаточно быстро закрывают локальные проблемы, он исполняет функцию быстрого реагирования на вызовы. Уменьшение малого и среднего бизнеса в стране ставит экономику в более опасную ситуацию в случае появления таких «айсбергов». Это значит, что будет собираться меньше налогов, безработица будет больше, а зарплаты — ниже.

Ждать ли возвращения бизнеса после изменения ситуации в Беларуси

Среди переехавших я вижу людей, которые любят Родину, желают ей добра и хотели бы никуда не уезжать, а жить и развиваться в Беларуси. Говоря про всех уехавших из Беларуси после событий 2020 года, без привязки к бизнесу, я считаю, что если изменения в стране произойдут в течение активной части жизни одного поколения — то есть примерно в ближайшие 20 лет, — то больше половины из них вернуться домой. В этом случае полученные за границей новые знания и компетенции будут очень полезны белорусскому обществу.

Если рассматривать более дальний промежуток времени, то я бы не стал предполагать, что люди, у которых дети выросли в другой стране, захотят вернуться в Беларусь.

Перспективы российской экономики в условиях санкций и энергетического конфликта с ЕС

Андрей Мовчан, финансист, эксперт программы «Экономическая политика» Московского центра Карнеги, основатель группы компаний Movchan's Group

Влияние санкций на российскую экономику

Санкции в отношении России можно условно разделить на несколько групп. Первая — запрет на поставку высокотехнологичных товаров и технологий. Вторая — ограничение финансовых транзакций. Третья — ограничение экспорта. Есть еще персональные, которые никак не влияют на экономику. А вот несанкционное давление, когда конкретные компании по собственной инициативе перестают работать в России, — сильно влияет.

Россия кардинально зависит от импортных технологий. От производства сыра на иностранном оборудовании и с иностранной закваской до производства ракет с ввозимыми микросхемами и сплавами. В этом смысле запрет на поставки высокотехнологичной продукции — это очень серьезное ограничение для собственного производства. Оно частично будет обходиться за счет замены технологий и ввоза оборудования из нейтральных стран. Но и тут есть плохая новость. Нейтральный Китай тоже импортирует то, чего будет не хватать в России. Не даром же российские компании закупали эти технологии в Европе и Америке. Кроме этого, мы уже видим, как Китай при сохранении нейтральности в политике, в экономике поддерживает санкционную политику — уже и российским самолетам запрещено летать в Китай, и Huawei ушла с российского рынка и так далее.

Самым неприятным будет разрыв производственных цепочек. Если вы перестаете получать комплектующие, сервис оборудования, даже мелкие элементы цепочки создания стоимости, то это огромная проблема, сравнимая для России проблемами 90-х годов. Тогда тоже рвались цепочки из-за открытия рынков, из-за переориентации стран СЭВ, из-за неумелого управления, в результате чего рушились не только предприятия, но и целые индустрии. Теперь идет обратный процесс — закрытие рынков. Мы уже видим, как где-то в буквальном смысле начинают чемаданами ввозить микросхемы, чтобы поддержать производство. Но таким способом много не навезешь. Увидеть цифры о влиянии на производство можно будет примерно через полгода, но косвенные признаки его сжатия мы видим уже сейчас: при падении доходов населения процентов на 10-15 импорт упал в два раза. Это означает сокращение большого объема промышленного импорта.

Вторая проблема во многом затронула экспорт. У России есть мейнстрим-экспорт (углеводороды), там падение ожидается на 20-25%, но было большое количество мелкого экспорта (программного обеспечения, девайсов, изделий вторичного передела), который

кормил сотни тысяч, а то и миллионы людей. Он рушится в первую очередь потому что западные партнеры не знают как платить за поставки и, честно говоря, не хотят платить компаниям из России. А все эти экспортные компании жили на небольшой марже. Не получая денег два-три месяца, они просто лягут.

Третья проблема связана с внесанкционным отказом от работы компаний в России. Если вы раньше условно продавали кроссовки Nike, который ушел с рынка, то теоретически можно перейти на китайские кроссовки. Но на практике так не получается, потому что вся система ориентирована на определенные каналы поставок, логистику, клиентуру, ценовую политику. В это же время у людей снижаются доходы, из-за чего вы даже не понимаете, на что лучше перестраиваться.

Есть еще один важный момент, не обязательно связанный напрямую с санкциями. Произошедшее вызвало отток из страны трудовых мигрантов и специалистов собственно из России. Он оценивается по-разному, но Минтруд РФ только по IT-специалистам называет число в 40 тысяч человек. С учетом того, что уезжали разные специалисты и многие пока находятся в процессе или собираются уезжать летом, когда дети закончат учебу, можно смело умножить цифру Минтруда на 10, а то и на 30. Это тоже сильно влияет на экономику, потому что эти люди были в основе создания добавленной стоимости несырьевого сектора. При этом многие из них владели бизнесом и сейчас спешно релоцировали или релоцируют его. Мы уже видим, что доля нефтяных доходов бюджета выросла в два раза, что говорит в том числе о сильном падении ненефтяных налогов. Подобный удар по бюджету вызовет снижение государственных инвестиций, то есть затронет еще один сектор экономики, где кормились и создавали ВВП много людей.

Плюс инфляция в этом году будет двухзначной, скорее всего, достигнет 15-20% и больше. При этом индексация социальных выплат идет, например, на 10%, что указывает на снижение реальных доходов еще на 5-10%. Это будет означать снижение спроса, которое будет бить по российскому производству.

Роль энергетического конфликта и его перспективы

Вопрос экспорта нефти и газа сильно политизирован. А политические вопросы плохо предсказуемы, потому что зависят от пожеланий, мнений или сочетания интересов политиков. Надо сказать, что нефтегазовая сторона конфликта по своим фазам очень напоминает военную. Она была острой в момент острого военного конфликта, а сейчас вслед за ним стала позиционной. Россия настаивает на том, что готова продавать энергоресурсы, если их будут покупать, но если ей мешают, то может и прекратить поставки в Европу. В период острых военных действий европейское потребление российских энергоносителей сократилось. Но сейчас этот процесс, видимо, достиг некоторого предела. В итоге Россия продает на

20% меньше нефти и на 15% газа по ценам на 25-30% ниже цены Brent.

Европа, видимо, в среднесрочной перспективе продолжит этот объем покупать — и тут не так важно в России или нет, потому что если Европа (как предполагает шестой пакет санкций) отказывается от российской «танкерной» нефти, то последняя пойдет в другие регионы, а Европа купит ту нефть, которую эти регионы получали раньше. Изменений здесь будет мало, возможно, еще немного сократятся объемы. То есть началась своего рода зимняя позиционная кампания и, на мой взгляд, в течение долгих месяцев, а может быть одного-двух лет, эта диспозиция вряд ли изменится.

Россия уже ищет пути переориентации продаж третьим покупателям, в том числе смотрит в сторону Китая и Индии. Продажи в Азию уже превышают поставки в Европу. Процесс это сложный, но возможный. Пускать танкеры по северному морскому пути крайне сложно, дорого и не всегда возможно, к тому же их не пугают. Вокруг Европы танкеры не пойдут: европейские порты их скоро принимать не будут, импортные танкерные компании обслуживать Россию не будут, а своих мало. При этом нефть продается в Азию с большим дисконтом, около 30%. Но российский бюджет и валютный счет спасают цены — при 120 долларах за баррель падение выручки даже на 40-50% эквивалентно полной выручке при нефти за 60-70 долларов за баррель, что всегда было комфортно для России.

Конечно, в политике Европы прослеживается долгосрочный тренд на отказ от российских нефти и газа. Он обусловлен не только войной, но и высокими ценами. Этот процесс продолжится, но отказ будет идти мелкими скачками. Параллельно Россия будет перестраивать направления продаж, создавать свой танкерный флот, разворачивать газопроводы и нефтерыводы. В то же время добыча сырья будет сокращаться из-за падения и внутреннего, и внешнего потребления нефти и газа.

Будет ли Европа хотеть того же через три года, я сказать не могу. Мы вполне можем ожидать, что через два года европейские бюрократы все забудут и скажут, что их опять устраивают российские нефть и газ. Найдутся Шрёдеры и Орбаны, которые будут корыстно и бескорыстно пропагандировать продолжение зависимости, — и все вернется на круги своя. Но если же в Европе будут присутствовать воля и желание, срок полного отказа — это три-пять лет. За этот же срок российская добыча нефти и газа может упасть на 35-40%.

Россия продолжит поддерживать экономику Беларуси, но в минимальных пределах

Так как белорусская экономика по сравнению с российской маленькая, для России нет большой проблемы ее поддерживать. Уверен, что Лукашенко прекрасно понимает, что это не он ставит условия. Это

делают с одной стороны Кремль, а с другой — белорусское население, главное ожидание от которого, чтобы оно не взбунтовалось.

Российская армия может зайти на территорию Беларуси в любой момент, и Запад на фоне войны с Украиной даже не обратит на это внимание, потому что все и так воспринимают ее как доминион России, полностью ей подконтрольный. Никто бы не удивился введению войск, аресту Лукашенко, суду, установке пророссийского президента, послушного России, объединению стран — это будут «внутренние разборки». Этого не происходит только потому, что Лукашенко послушен, лоялен и делает то, что ему сказали.

Чтобы поддерживать вторую сторону, то есть белорусский народ, в состоянии, когда он не берется за топоры, много денег не нужно, поэтому Россия продолжит это делать. Чтобы не было дефолта по российским долгам, достаточно просто продлевать сроки исполнения обязательств. Москве необходимо, чтобы белорусская экономика как-то обеспечивала людям зарплаты, давала им возможность существовать. В противном случае нет гарантий, что не будет всеобщего выступления против Лукашенко.

Свергнуть его в свое время не получилось, потому что рядового белоруса не очень волнует, кто у власти, он живет своей жизнью. У него есть какие-то ресурсы, его жизнь стабильна. Если же рядовым белорусам будет нечего есть, тогда они включатся в такое движение. Именно поэтому Россия будет обеспечивать поддержку ровно на таком уровне, чтобы им было что есть, но не больше.